

Ю. Б. Пашина

**ЦИКЛИЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ
В РАССКАЗЕ Б. ЗАЙЦЕВА «УЛИЦА СВЯТОГО НИКОЛАЯ»:
СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ И ОБРАЗНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Исследуется концепт времени в рассказе Б. Зайцева «Улица святого Николая», способы его языковой и образной репрезентации. Рассматривается соотношение циклического, биографического, исторического времени и категории вечного, а также способы циклизации линейного времени. Делается вывод о смысло- и текстообразующей роли циклической модели времени.

This article examines the concept of time in B. Zaitsev's short story "St Nicholas Street" and the means of its linguistic and image representation. The author considers the correlation of cyclic, biographical, and historical time and

the category of the eternal, as well as the means of linear time cyclisation and comes to a conclusion about the meaning and text forming role of the cyclic time model.

Ключевые слова: Б. Зайцев, концепт времени, циклическое время, святой Николай.

Key words: B. Zaitsev, time concept, cyclic time, Saint Nicholas.

В произведениях Б. Зайцева особую роль играет концепт времени. Рассмотрим особенности его репрезентации в рассказе «Улица святого Николая» (1921). Здесь представлены несколько типов времени: природное (космическое), время человеческой жизни, историческое, сакральное и профанное. Все они связаны между собой. Время человеческой жизни и историческое, которые часто воспринимаются нами линейно, у Б. Зайцева цикличны.

Рассказ «Улица святого Николая» состоит из пяти небольших глав. Композиция цикличная: первая и последняя главы начинаются одинаково: «Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления — это ты, Арбат» [5, с. 429]. Совпадающие зачины выдвигают на первый план антропологическую проблематику, вопрос о человеке, о времени и смысле жизни — то есть центральные темы творчества Б. Зайцева. Вторая, третья и четвертая главы касаются различных исторических событий с 1905 по 1921 гг. Местом действия является Арбат, которого в народе называли улицей святого Николая по наличию трех храмов, посвященных этому святому. В рассказе жизнь природы, людей и страны (и соответственно, все типы времени) сведена к описанию изменений, происходящих на Арбате. Далее мы рассмотрим концепт времени, как он представлен в произведении.

В первой главе отображено космическое время, акцент сделан на суточном и годичном циклах. Первый связан с движением небесного светила: «Солнце восходит, солнце заходит»¹ [5, с. 430]. Это аллюзия на «Книгу Екклесиаста»: «Восходит солнце, заходит солнце, И в том же месте снова восходит» (Еккл. 1: 5). Кроме того, в рассказе выделены *утро* и *вечер* — периоды, тоже связанные с ходом солнца: «И к вечеру Арбат замучен» [5, с. 430]; «Утро занимается над городом» [5, с. 435]. Б. Зайцев говорит не об одном дне, а фиксирует повторяемость смены дней, бесконечное течение природного (космического) времени.

Годичный цикл представлен через наименования месяцев и времен года. Первая глава начинается с описания зимы, изображен декабрь и январь — Новый год и Рождество: «К Рождеству елки на Арбатской площади — зеленым лесом... И отбушевавши *Новый год*... входят в ледяной *январь*»; «Там февраль, там март». Назван каждый из зимних месяцев. Далее дается характеристика весне: «...весна, грязь и лужи, блеск, солнце, первый разрыв лазури над Арбатом» [5, с. 429]. В рассказе гово-

¹ Курсив в цитатах везде наш. — Ю. П.

рится только о двух весенних месяцах — *марте* и *апреле*. Летние же не упоминаются, но присутствует номинация сезона: «Лето насыщает Арбат зноем и оцепенением» [5, с. 430]. Первая глава завершается описанием годовичного цикла, который сведен в одно предложение: «Зима, весна и лето, осень, хлад и жар, и мленье и закаты — все себе равно, или кажется таким» [5, с. 429]. В словосочетании «все себе равно» заключена семантика тождественности и повторяемости.

В первой главе появляется единственный постоянный герой рассказа — извозчик, который все время ездит по Арбату на санках. Описание сближает его с образом святого: «Седой и старенький извозчик, годы плетшийся Арбатом, обликом похожий на св. Николая» [5, с. 431]. В рассказе, как мы уже говорили, даны все времена года, но особо отмечена зима: ею начинается и заканчивается сюжет. В последней главе, как и в первой, маркирован январь: «В *январе* толпы героев серых, возвращающихся с брани» [5, с. 434]. Это объясняется тем, что образ святого связан с Новым годом и Рождеством, так как Санта-Клаус (в Европе) и Дед Мороз (в России) — это трансформация образа святого Николая. Кроме того, в католических странах день святого приходится на период Адвента, предуготовляющего Рождество. Главный символ Адвента — это рождественский венок, в который ставится пять свечей. Ему соответствует композиция рассказа — «круг» с пятью главами. Святой Николай и извозчик имеют отношение к ходу природного времени, к обновлению его каждый Новый год.

В первой главе помимо космического (природного) времени важное место занимают время человеческой жизни и историческое. Арбат является символом хода жизни и истории: «Строят дома — сотни квартир с газом и электричеством; *новые* магазины — роскошь *новая*; *новые* мостовые, *новый*, не русский шик города. *Льют свежий* асфальт» [5, с. 430]. Лексема *свежий* и повторяющееся слово *новый* отражают изменения, преобразование, переход на новый этап. Жизнь и история показаны в развитии.

В следующих главах рассказа на первый план выходит историческое время. В них нигде явно не названо какое-либо событие, не представлена ни одна дата, но их возможно восстановить по фактам. Во второй главе, например, описывается революция 1905 г.: «И пылают барские усадьбы, останавливаются дороги, и рабочие *выходят* с фабрик — демонстрации *идут* Арбатом» [5, с. 431]. В третьей представлена Первая мировая война: «Страшный час, час грозный. Смертный час — призыв» [5, с. 432]. В четвертой изображены 1917–1918 гг., время русской революции и конец мировой войны: «В *январе* толпы героев серых, *возвращающихся* с брани» [5, с. 434]. В пятой — мирное время, 1919–1921 гг.: «По тебе [Арбат] *прошли* метели страшные» [5, с. 437].

Все события рассказа даются через движение людей и передвижения извозчика на санках. Динамика повествования осуществляется благодаря использованию большого количества глаголов движения — 69 словоупотреблений. Все действия произведения сопровождаются лозунгом «Вперед! Вперед!», причем он всегда вынесен в начало главы, то есть пред-

шествует основному повествованию. Призыв к действию во время революции 1905 г. (вторая глава): «И митинги гудят, толпы чернеют, и кричат газеты об одном: *вперед, вперед!*» [5, с. 431]. Аналогичен призыв на фронт (третья глава): «Страшный час, час грозный. Смертный час — призыв. Куда? — *Вперед. Вперед, и в ногу, в ногу, и под барабан*» [5, с. 432]. С завершением революции 1917 г. — призыв к новой жизни (четвертая глава): «*Вперед, вперед! К светлому будущему! Братство народов, равенство, счастье всесветное*» [5, с. 435]. Лексема *вперед* встречается семь раз, она задает направление движения только к будущему, новому.

Л. М. Аринина отмечает своеобразный диалог Б. Зайцева в рассказе «Улица святого Николая» с поэмой А. Блока «Двенадцать» [2]. В первую очередь это достигается при помощи аллюзий на лозунги у А. Блока: «*Вперед, вперед, вперед, / Рабочий народ!*» [3, с. 16–17]. Итак, на смену одним событиям приходят другие. Казалось бы, историческое время должно быть линейным. Однако у Б. Зайцева оно становится циклическим благодаря тому, что писатель постоянно фиксирует возврат к прошлым формам жизни. Это достигается при помощи частого употребления лексем *снова* (восемь раз), *вновь* (четыре раза), *опять* (четыре раза). После событий 1905 г. (вторая глава) отмечается: «И *снова* — строятся дома, фабрики, возрастают, везут зерно на вывоз и приходят в порты» [5, с. 431]. В третьей главе описывается война: «И ты увидел, наконец, Арбат, *опять* войну — не детскую» [5, с. 434]. В четвертой — время после революции 1917 г.: «И *снова, и снова...* омывает мать слезами постаревшее свое лицо» [5, с. 437]. В пятой при характеристике мирного времени говорится: «*Вновь* толпа нарядней. *Вновь* стремятся женщины к одеждам, а мужчины к деньгам. *Вновь* по вечерам кафе сияют» [5, с. 438]. Частое использование писателем стилистических приемов повтора и синтаксического параллелизма усиливает доминанту повторяемости исторического времени.

Главные события, которые описывает Б. Зайцев, — это две революции и Первая мировая война. Обратимся к этимологии слова *революция*. Оно восходит к лат. *revolutio, onis* «откатывание», «круговорот» от *revolve* «катить назад», «проходить в обратном направлении» [4, с. 671]. Семантика обратного движения в лексеме *революция* не сохраняется. Социальная революция определяется как «коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому» [5, с. 903]. Однако Б. Зайцев обыгрывает именно исходное этимологическое значение, что важно для усиления идеи цикличности истории. Здесь Б. Зайцев снова «смыкается» с Екклесиастом: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1: 9). Все повторяемо, все сведено в круг.

Время человеческой жизни в рассказе сопряжено с историческим и циклизуется на тех же основаниях. С одной стороны, жизнь линейна: люди рождаются, живут, умирают. Но, как отмечает Ю. Айхенвальд, для творчества писателя характерно изображение «настоящей вечной жизни» [1]. Для того чтобы показать, что жизнь вечна, автор использует

образ извозчика, который движется по Арбату и проезжает места, названия которых являются символическими. «А старенький, седой извозчик, именем Микола... лишь замолк на время, он уж едет снова от Дорогомилова к Большому Афанасьевскому» [5, с. 430]. Общепринятой научной этимологии топонима *Дорогомилово* нет, но согласно народной этимологии в лексеме можно выделить два корня: *дорог-* и *мил-*. Существуют два омонимичных корня *дорог-*, дающие существительное *дорога* и прилагательное *дорогая*. В том и в другом случае семантика топонима положительная. Но это значение вступает в противоречие с тем, что на этой улице до 1930 г. находилось кладбище. Место назначения извозчика — *Большой Афанасьевский переулок*. Он назван так по церкви святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, которая находилась на нем. Имя *Афанасий* в переводе с др.-греч. означает «бессмертный». Таким образом, извозчик едет от кладбища к большому бессмертию. Фраза «уже едет снова» говорит о том, что герой неоднократно совершал свое путешествие по этому маршруту, то есть его движение по Арбату циклично. А так как извозчик каждый раз приезжает к Большому Афанасьевскому переулку, то есть к бессмертию, то жизнь вечна. Это пример скрытого пасхального хронотопа.

В рассказе Б. Зайцева наблюдается переход от профанного, обыденного времени к сакральному. В описании церковей святителя Николая и религиозных ритуалов используются слова с корнем *век-* (*вековое* — два раза, *вековечное* — один) и лексема *непотрясаемое*: «Священники звонят в церквях Арбата — Никола Плотник, Никола на Песках и Николай Явленный... в ризах парчовых, *вековечных*» [5, с. 430]; «Священники же рады, что все кончилось: *опять привычное, все то же, вековое, и непотрясаемое*» [5, с. 431]. Все, что происходит в жизни, случается под ликом святого Николая, который поможет преодолеть любые трудности: «И Никола Милостивый... покровитель страждущих, друг бедных и заступник беззаступных, распростерший над твоею улицей три креста своих, три алтаря своих, благословит путь твой и в метель жизненную проведет» [5, с. 438].

Заявленная в рассказе троичность (три креста, три алтаря, три церкви) отсылает к Троице. Как Бог триедин, так и святой Николай имеет на Арбате три лика: «Ходят в церковь и венчаются, и любят, и умирают между *трех обличий одного святителя* — Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Чудотворца» [5, с. 430]. Б. Успенский отмечал, что святой Николай на Руси не просто сравнивался с Христом, а приравнивался к нему: «В фольклорных текстах Никола может смешиваться с Богом и имя Николы сочетается с наименованием Господа (или Троицы) и Богородицы, как бы объединяясь с ними в одно целое» [7, с. 7]. В XVI—XVII вв. на Руси не давали при крещении имя Николай, объясняя это тем, что нельзя окрестить ребенка именем Христа.

Таким образом, в рассказе Б. Зайцева через обращение к святителю Николаю, Троице и Христу осуществляется переход от циклического времени к вечности, от времени профанного — к сакральному.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю.И. Борис Зайцев (наброски) // Литература и жизнь : [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/zaycev/aihenv_zaycev.html (дата обращения: 05.06.2013).
2. Арипина Л.М. Христианские мотивы в творчестве Б. Зайцева в 1920-е годы // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. С. 216 – 221.
3. Блок А. Собр. соч. : в 12 т. Л., 1933. Т. 5.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003.
5. Зайцев Б.К. Осенний свет : повести, рассказы. М., 1990.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2006.
7. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.

Об авторе

Юлия Борисовна Пашина – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: skorpion611@rambler.ru

About the author

Yulia Pashina, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: skorpion611@rambler.ru